

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.9>

Лю Инь, Никольский Евгений Владимирович

ОБРАЗ "ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И В ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЮЙ ДАФУ

Статья посвящена рассмотрению образов "лишних людей" в русской литературе XIX века и в прозаических произведениях китайского писателя первой половины XX века Юй Дафу, литературное наследие которого по сей день является малоизученным в среде русских литературоведов. Определены общие характерные черты образов "лишних людей" у русских писателей и у Юй Дафу: при резких противоречиях феодального общества все герои искали перемен, но не могли реализовать свои идеалы на практике. Проведена сравнительная характеристика персонажей, представляющих тип "лишнего человека" в произведениях русских авторов и Юй Дафу. Выявлены отличительные черты образов "лишних людей" у русских прозаиков и у Юй Дафу: разные исторические фоны возникновения образов "лишних людей"; своеобразные подходы русских писателей и китайского писателя к рассмотрению феномена "лишнего человека".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 43-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова:** критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
7. **Левин Ю. И.** О «Даре» // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 287-322.
8. **Липовецкий М.** Эпilog русского модернизма: художественная философия творчества в «Даре» Набокова // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 72-95.
9. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.
10. **Набоков В. В.** Собрание сочинений русского периода: в 5-ти т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. Приглашение на казнь. Дар. Рассказы. Эссе. Рецензии. 784 с.
11. **Носик Б.** Мир и дар Владимира Набокова. М.: Пенаты, 1995. 562 с.
12. **Осьмухина О. Ю.** Маска в культурно-художественном сознании российского зарубежья 1920-1930-х гг. (на материале творчества В. В. Набокова): автореф. дисс. ... к. культурологии. Саранск, 2000. 18 с.
13. **Осьмухина О. Ю.** Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 288 с.
14. **Стрельникова Л. Ю.** Поэзия как свободная игра вымысла в романе В. В. Набокова «Дар» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 123-130.
15. **Blackwell S. H.** Zina's paradox: The figured reader in Nabokov's "Gift". N. Y.: Peter Lang, 2000. 215 p.
16. **Leving Y.** Keys to "The Gift": A Guide to Nabokov's Novel. Boston: Academic Studies Press, 2011. XVII+534 p.
17. **Nabokov V.** The Gift / transl. from Russian by M. Scammel with the collab. of the author. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1963. 346 p.

SPECIFICITY OF NARRATION SUBJECT IN "THE GIFT" BY V. V. NABOKOV

Kletskaia Svetlana P'inchna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
kleckaja@inbox.ru

The article substantiates the hypothesis that in V. V. Nabokov's novel "The Gift", narration is built around a single narrative instance ("storyteller-narrator"), which is formally and grammatically split into the storyteller and the narrator proper. This is confirmed by the real sequence of the storyteller's and the narrator's instances occurrence in "The Gift", as well as the structural, thematic and content features of the novel. Taking into account this conclusion, it is suggested to comprehend switching between the storyteller and the narrator in the event-like way as objectification and subjectification of narration.

Key words and phrases: Vladimir Nabokov; "The Gift"; narrative structure; narrator; storyteller.

УДК 821.581

Дата поступления рукописи: 16.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.9>

Статья посвящена рассмотрению образов «лишних людей» в русской литературе XIX века и в прозаических произведениях китайского писателя первой половины XX века Юй Дафу, литературное наследие которого по сей день является малоизученным в среде русских литературоведов. Определены общие характерные черты образов «лишних людей» у русских писателей и у Юй Дафу: при резких противоречиях феодального общества все герои искали перемен, но не могли реализовать свои идеалы на практике. Проведена сравнительная характеристика персонажей, представляющих тип «лишнего человека» в произведениях русских авторов и Юй Дафу. Выявлены отличительные черты образов «лишних людей» у русских прозаиков и у Юй Дафу: разные исторические фоны возникновения образов «лишних людей»; своеобразные подходы русских писателей и китайского писателя к рассмотрению феномена «лишнего человека».

Ключевые слова и фразы: тип «лишнего человека»; сравнительная характеристика героев; русская литература XIX века; Юй Дафу; китайская литература первой половины XX века.

Лю Инь, к. филол. н.

Центр по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета
при Министерстве образования КНР, г. Чунцин
liuyin610@mail.ru

Никольский Евгений Владимирович, д. филол. н.

Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород
eugenius-08@yandex.com

ОБРАЗ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И В ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЮЙ ДАФУ

Статья выполнена при поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Литературный тип «лишнего человека», ставший уникальным социально-культурным феноменом, уже давно является объектом изучения не только русских, но и китайских писателей. Под понятием «лишнего

человека» подразумевается группа людей, подвергающихся социальной изоляции. По определению Е. В. Никольского, главными чертами «лишнего человека» являются «отчуждение от своей страны, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела» [2, с. 8]. Выражение «лишний человек» было не столько плодом литературного воображения, сколько рефлексивным слоем сознания в духовной жизни общества, проходящего эпоху социальных потрясений. Образ «лишнего человека», получивший яркое отражение в русской литературе первой половины XIX века, стал активно развиваться в китайской литературе XX века.

Среди разнообразных образов «лишних людей» в китайской литературе, созданных китайскими писателями под влиянием образов «лишних людей» русской литературы, образ «лишнего человека» в прозе Юй Дафу является наиболее типичным. Раннее творчество Юй Дафу находилось под сильным влиянием русской литературы. Вполне можно считать, что образ «лишнего человека» в истории русской литературы и образ «лишнего человека», созданный Юй Дафу, имеют и сходства, и свои отличительные особенности. **Актуальность** исследования определяется необходимостью рассмотрения творчества китайского писателя Юй Дафу в плане литературного понятия «лишнего человека», унаследованного им от русских прозаиков XIX века. **Научная новизна** работы обусловлена тем, что исследование открывает новые горизонты для изучения образа «лишнего человека» в творчестве китайского писателя Юй Дафу с учетом влияния русской литературы XIX века, что еще не получило достойного осмысления и отражения в русском литературоведении. **Цель** исследования заключается в рассмотрении образов «лишних людей» в русской литературе XIX века и в прозаических произведениях китайского писателя первой половины XX века Юй Дафу. Намеченная цель предполагает решение следующих **задач**: определить общие черты образов «лишних людей» у русских писателей и у китайского писателя Юй Дафу; провести сравнительную характеристику героев, представляющих тип «лишнего человека» в произведениях русских авторов и китайского писателя Юй Дафу; выявить отличительные черты образов «лишних людей» у русских писателей и у Юй Дафу.

Юй Дафу – успешный современный китайский писатель. Его перу принадлежат многочисленные работы, которые хорошо известны читателям. Он писал прозу и поэзию, занимался литературной критикой и публицистикой, переводил немецких и советских писателей. Однако наибольший интерес читателей и исследователей всегда привлекала и привлекает его проза.

Юй Дафу является автором более пятидесяти прозаических произведений. Современные исследователи сходятся во мнении, что эти произведения можно разделить на две большие группы в соответствии с их основной тематикой.

Во-первых, в его творчестве центральной темой становится изучение различных аспектов общественной жизни, например: «Весенние ночи» (1923), «Скудное жертвоприношение» (1924), «Снежное утро» (1927) и др. В этих рассказах Юй Дафу представлял внешние и внутренние облики людей, относящихся к низшим слоям общества, выступал с обвинением против темного и уродливого общественного строя, основанного на угнетении и эксплуатации простого народа.

Во-вторых, принято выделять группу автобиографических прозаических произведений писателя. Юй Дафу – первый из современных китайских писателей, сознательно защищающих литературные произведения как самовыражение писателя, и один из важных практиков, которые не жалеют усилий для проведения экспериментов по автобиографическому письму [9, с. 38].

Он всегда воспроизводил часть жизни, которую он испытал. Это напрямую связано со своеобразным взглядом писателя на литературу и искусство [7, с. 113]. Многие читатели осознают это, ограничиваясь поиском собственного жизненного следа Юй Дафу, не понимая, что его проза также является отражением духовного мира самого писателя [6, с. 85]. В его прозе отразился духовный облик, собственный жизненный опыт, в том числе его жизнь в Японии (например, в рассказах «Серебристо-серая смерть» (1920), «Омут» (1921), «Юг» (1921) и др.), возвращение на родину и трудные поиски заработка (например, в рассказах «Кровавые слезы» (1922), «Бескрайняя ночь» (1922), в повести «Осенняя ива» (1922) и др.). В этих произведениях писатель не только копировал историю своей жизни, но и подвергал собственный опыт доскональному анализу, раскрашивал его красками художественной речи.

Юй Дафу читал много русских писателей во время учебы в Японии, поэтому он глубоко понимал феномен «лишнего человека» в русской литературе. «Лишние люди» являлись типичными представителями дворянской интеллигенции в русской литературе XIX века. Самый ранний образ «лишнего человека» – главный герой романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Термин «лишний человек» в основном стал популярным после публикации «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева («Тема “лишних людей” у Тургенева по существу заканчивалась в “Дворянском гнезде”») [1, с. 19]. Юй Дафу упоминал этот термин в сборнике произведений «Омела и плющ», который был завершен им в 1920-х годах после того, как он закончил десятилетнее обучение в Японии и вернулся в Китай. Переживание за внутренний хаос и воспоминание о тяжелой жизни в Японии дали писателю импульс во многих произведениях показать подавленное настроение и болезненное состояние души китайского народа того времени. Герои автобиографических работ Юй Дафу представляли собой обнищавших молодых интеллигентов, которые были угнетены мрачным обществом. Эти молодые люди были неспособны держать судьбы в своих руках и в конце концов оказались слабыми и подавленными. Именно эти «заброшенные» интеллигентные молодые люди с депрессией являлись «лишними людьми» в обществе того времени. Можно сказать, что образ «лишнего человека», созданный Юй Дафу в его прозе, – это китайская версия образа «лишнего человека» в русской литературе.

1. Сходства образов «лишних людей» в русской литературе и у Юй Дафу

Образы «нулевых людей» Юй Дафу и русские «лишние люди» имеют много общих характерных черт. Русские писатели XIX века, особенно И. С. Тургенев, оказали влияние на Юй Дафу. Это приводит к тому, что образ «нулевого человека» Юй Дафу и образ «лишнего человека» в русской литературе имеют много общего: при резких противоречиях феодального общества они, в отличие от большинства своих современников, впавших в духовное оцепенение, искали перемены. Они всегда пытались реализовать свою мечту о реформе в рамках существующей социальной системы. Однако эти «лишние люди» были одинаково бездеятельны и чувствовали себя одиночками и беспомощными. Все они пытались пропагандировать передовые идеологии в своих странах (в России и в Китае), но никто на их зов не откликнулся. Таким образом, они не могли реализовать свои идеалы на практике. «Гнилые» социальные системы не позволяли им духовно освободиться, и поэтому они начали сомневаться в собственном существовании.

В русской литературе «лишние люди» были несовместимы с вульгарностью высшего класса. Будучи врожденными дворянами, они не могли «спуститься» в низы общества. Таким образом, с сильным чувством ответственности и одиночества они были «изгнаны» из общества.

В романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» главный герой устал от дворянской роскоши на балах, разлюбил светскую жизнь Петербурга и сознательно переехал в деревню. Он был возмущен несправедливостью в обществе, но в то время был далек от народа. По мнению В. Е. Хализева, «художественный мир “Евгения Онегина” здесь редуцирован до реальности петербургского света, где бушуют страсти и царят жестокие противоборства, но нет места всему тому, что хоть как-то связано с добрыми чувствами, законами нравственности, с национальными традициями, со стариной в исконном смысле этого слова» [3, с. 52].

Герой Бельтов в романе А. И. Герцена «Кто виноват» обладал великими амбициями, но потерпел полное фиаско. Он вынужден был стать «лишним человеком».

В лирико-психологическом романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» Печорин был офицером русской императорской армии, обладал блестящим умом. Он был разочарован пустотой социальной жизни в то время, но не мог избавиться от нее, поэтому он был подавлен и даже циничен. Печорин поддавался постоянным вызовам, чтобы достичь цели жизни. Однако, что бы он ни делал, он не мог избавиться от ощущения собственной ничтожности.

Рудин – главный герой одноименного романа И. С. Тургенева – был умный, доброжелательный, жаждал правды и стремился к будущей славе. В отчаянии он вынужден был признать свое «ненужное» и «неполезное».

Обломов – герой одноименного романа И. А. Гончарова. Он был хорошо образованным, талантливым и умным. Однако долговременный паразитический образ дворянской жизни лишил его жизненных навыков. Он постепенно становился вялым, боялся каких-либо изменений. Он знал только, что будет лежать на диване, пока сам наконец не умрет в тишине. Это своего рода русский образ «лишнего человека», от которого произошел термин «обломовщина».

Итак, мысли и действия русских «лишних людей» не совпадали, их духовность была несовместима с реальностью. Они чувствовали боль, когда находились в конфликте. Когда все их сопротивления потерпели неудачу, «лишние люди» начали уходить со сцены истории, уничтожив самих себя.

Как и в русской литературе, «лишние люди» у Юй Дафу также испытывали чувство тоски. Они осуждали «темную» реальность и использовали различные аномальные виды поведения для того, чтобы сопротивляться эксплуатации.

Можно сказать, что именно эпоха превратила жизнь «лишнего человека» в драму. «Лишние люди» в произведениях Юй Дафу, как и «лишние люди» в русской классической литературе, получили прекрасное образование. Они учились за пределами своей страны. Восприняв прогрессивные идеи и получив знания о новейших достижениях науки и техники, они вернулись на родину с надеждой, что это поможет им в жизни. Но общество встретило их враждебно. В то время китайское общество не понимало истинного значения знаний. На взгляд необразованных людей, все эти знания являлись не чем иным, как пылью. Это общество было одержимо только идеей наживы и личных интересов, у людей была низкая духовная культура. Именно это положение и определило дальнейшие судьбы героев и дало им постоянно чувствовать себя «лишними».

Так, герой рассказа «Омела и плющ» (1923), приехав в Шанхай, долгие месяцы бродил по городу под палящим солнцем в поисках работы, но нигде не мог задержаться. Причинами отказа, как он сам говорил, было то, что либо он не подходил для данной работы, либо начальству не нравился его характер, либо он сам не желал льстить начальству. В итоге он так и не смог найти работу, у него не было денег, чтобы вернуться домой, и ему пришлось остаться в чужом городе. Мать героя говорила ему так: «Если и возвращаться в родной город, то только известным и успешным. Если не получилось стать таким, то и возвращаться не стоит» [12, с. 206-207]. Таким образом, герой ощущал себя «лишним». Помимо самоуничтожения героя, на формирование его характера и отношение к окружающей действительности повлияли его постоянные конфликты с женой. В прошлом герой подвергался издевательствам со стороны окружающих и общества, но ему не хватало смелости, чтобы дать отпор тем, кто его обижал. И тогда герой стал вымещать свою злобу на жене. Он говорил ей: «Ты умрешь! А когда ты умрешь, у нас будет свет. Зачем я работал как вол? Если я буду одиноким, разве я не смогу пойти, куда захочу? Зачем я выполнял такую тяжелую работу в этом безжизненном месте? А все потому, что я знал – ты сидишь дома. Но ты не живешь! Ты живой труп! Для чего ты живешь в этом мире?» [Там же, с. 226] Однако, поскольку его жена была послушной, кроткой, трудолюбивой, никогда ему не перечила, герой

начинал испытывать сильные угрызения совести, и его чувство собственного достоинства опять страдало. В силу этого он боялся идти домой. Герой сам неоднократно называл себя «лишним человеком», постоянно задумывался о смысле своего существования. Но в этих размышлениях он сталкивался с множеством противоречий и не мог найти выход из сложившейся ситуации.

Герои Юй Дафу не могли найти пристанища ни на родине, ни в какой-либо другой стране. Когда они пребывали в чужой стране, то подвергались дискриминации и оскорблениям: например, герой, у которого нет имени (его называют просто «он»), в рассказе «Омут». Когда кто-то обращался к нему с вопросом: «Какживаете?», он чувствовал, что его ведут на эшафот, лицо его заливалось краской, он испытывал страшную панику. Это было связано в том числе и с тем, что герой жил в Японии, а там к представителям китайского народа относились очень плохо. Герой не раз говорил, что чувствует себя очень одиноким. Это, прежде всего, было связано с тем, что он не имел никакого статуса ни на своей родине, ни за ее пределами. При этом он понимал, что даже полученные знания окажутся бесполезными. Он говорил: «Китай – моя родина. Я не могу больше терпеть» [13, с. 45]. Двойственность героя заключается в том, что, с одной стороны, он являлся настоящим патриотом, любил свою родную страну, но с другой – эта любовь не могла принести ему счастья в реальном мире. Он ничего не мог сделать ни для страны, ни для своей семьи.

«Лишние люди» не находили себе места ни в прогрессивном, ни в китайском традиционном обществе. Они были маргинальны. Дух их был слаб, они не умели общаться с другими и даже не знали самих себя. Они жили в обществе, где была жестокая конкуренция. Каждый боролся за свое место под солнцем. И герои в этой борьбе проигрывали, потому что не обладали необходимыми знаниями и умениями. Если они не могли измениться внутренне, то и внешние обстоятельства своей жизни они изменить были не в состоянии, а значит, не могли выжить. Все, чем они обладали – весь багаж знаний, – превращался в балласт, который только мешал им продвигаться вперед.

Мы можем предположить, что если бы Юй Дафу никогда не был в Японии, он не написал бы такое произведение, как «Омут», он покорился бы китайской традиционной модели человеческих отношений. Юй Дафу освободился из рабства традиционных этических ценностей и смотрел на себя в другом культурном контексте и системе ценностей, чтобы исследовать человеческую природу, которая игнорировалась в феодальном Китае [10, с. 159]. С помощью образа «лишнего человека» Юй Дафу и показал свою духовную дилемму, и попытался исследовать духовный мир населения Китая того времени.

Феномен «лишний человек» в произведениях Юй Дафу и в русской литературе является продуктом социальной среды. Это показывает, что и царская Россия, и отсталый феодальный Китай не могли обеспечить идеальную среду для людей с прогрессивными идеями.

2. Отличительные черты образов «лишних людей» в русской литературе и у Юй Дафу

Однако существуют и различия между «лишними людьми» у Юй Дафу и у русских классиков. Различные типы национальных культур и разные социально-исторические условия заставили интеллигентов двух стран встать на разные пути во время пробуждения самосознания, после того как они испытали тревогу и беспокойство за социальную ситуацию внутри своих стран.

1) Различные исторические фоны возникновения образов «лишних людей» в русской литературе и у китайского писателя Юй Дафу

И Россия, и Китай переживали глубокий кризис, однако еще в начале XVIII века Петр I «прорубил окно в Европу». Вторжение Наполеона в 1812 году и восстание декабристов 1825 года вызвали большой шок в русском обществе. В XIX веке европейская культура и реформаторские идеи стали быстро распространяться в России. Произошел раскол между традиционной русской культурой и западными веяниями, что также способствовало появлению лишних людей.

Так, Евгений Онегин, можно сказать, являлся выдающимся представителем русского дворянства 20-х годов XIX века. Он воплотил в себе черты передовой дворянской молодежи того времени: пытался найти смысл жизни, но не мог, не имел никаких достижений в жизни и ощущал свою никчемность. А. И. Герцен называл молодого человека такого типа «лишним человеком».

«Лишний человек», созданный Лермонтовым в романе «Герой нашего времени», относился к 30-м годам XIX века. Этот период – самая «темная» эпоха русского крепостного права. Энтузиазм и оптимизм, вызванные восстанием декабристов 1825 года, были подавлены царским самодержавием. «Лишний человек» по-прежнему представлял собой сочетание противоречий и конфликтов. С одной стороны, он имел сильную страсть к жизни. С другой стороны, он потерял уверенность в жизни и часто становился безразличным.

В 1840-х годах постепенно возрождались силы русских революционных демократов. Главный герой Рудин в одноименном романе – показательная фигура. Он с энтузиазмом посвящал себя общественной жизни и вел борьбу с аристократическими консерваторами. Однако по происхождению он был дворянином и не мог взять на себя задачу реформирования общества.

В период Обломова энтузиазм и убеждения ранних «лишних людей» были «задушены» «темным» обществом. «Лишние люди» потеряли жизненные силы и ушли с исторической арены. Обломов объявил конец русской аристократической революции.

Китай был не так независим, как Россия, которая сама решила «пригласить» западную культуру в свою страну. Процесс вестернизации в Китае осуществлялся жестоким и безумным образом. Опиумная война 1840 года превратила Китай в полуфеодальную и полукOLONиальную страну. Хотя Синьхайская революция 1911-1913 годов свергла самодержавную монархию, которая в Китае длилась более 2000 лет, но плод победы

революции был окончательно украден самопровозглашённым императором Юань Шикаем, в результате чего в Китае по-прежнему процветали империализм и феодализм. После окончания Первой мировой войны, в 1919 году, Китай принял участие в Парижской мирной конференции. Китайские представители внесли предложение о том, что все привилегии империализма в Китае должны быть отменены. Китайская сторона потребовала вернуть все права и интересы Германии в провинции Шаньдун. Предложение было отклонено. Япония намерена была унаследовать права и интересы Германии и занять Циндао (приморский город в провинции Шаньдун). Парижская мирная конференция заставила китайский народ протестовать, и вспыхнуло движение «4 мая». Острые внутренние и внешние проблемы, низкий международный статус, упрямые внутренние феодальные силы, отставание в науке и невероятно низкий уровень жизни народа были характерными чертами китайского общества в то время.

Причины феномена «лишнего человека» были многогранны. Страна была унижена и оскорблена. Менталитет слабой страны дал китайским интеллигентам сильное чувство неполноценности. «Они родились в старом обществе. Феодальная этика и равнодушное общественное отношение к ценностям людей заставили их чувствовать себя растерянными в обстановке движения “4 мая”, которое защищало свободу личности и самосознание человека. Они были амбициозны, хотели сделать страну сильнее, но не знали, какими способами. И в конечном итоге стали лишними и несчастными» [4, с. 248]. Отсталость страны даже стала оправданием побега от реальности для слабых представителей китайской интеллигенции. Например, в конце рассказа «Омут» герой оказался настолько истощен морально и физически, что решил покончить жизнь самоубийством – утонуть в море. Стоя на берегу, глядя в сторону своей родины, испытывая безграничное отчаяние, герой закричал: «Родина! Моя Родина! Вы виноваты в моей смерти. Вы разбогатеете, укрепитесь! Ведь у вас там еще много страдающих детей...» [13, с. 102]. Часто современные читатели не понимают, почему многие герои Юй Дафу восклицают: «Родина, родина!». Но для поколения писателя самость (личность) и страна были неотделимы, как плоть и кровь. Люди были сильно привязаны к стране и обществу [8, с. 77].

2) Духовное развитие «лишних людей» в русской литературе и материальная сторона жизни у «лишних людей» Юй Дафу

Если в русской литературе приоритет всегда отдавался духовному развитию личности, то в произведениях Юй Дафу особое место занимала и материальная сторона жизни. Это тесно связано с действительностью Китая того времени. Юй Дафу прошел необычный жизненный путь, полный противоречий, лишений и унижений. Когда ему было три года, у него умер отец, и семье было трудно сводить концы с концами. В подростковом возрасте он пытался использовать все возможности для получения образования, вместе с братом учился в Японии, но и там они были ограничены в средствах. Именно это стало характерной чертой практически всех главных героев романов писателя: от ОН в дебютном рассказе «Серебристо-серая смерть» (1920) до Я в рассказе «Омела и плющ»; от Я в рассказе «Весенние ночи» (1923) до Чжэн Сююэ и У Ишу в повести «Она слабая женщина» (1932). В его произведениях для героев-интеллигентов духовная составляющая жизни стала более важной, а сама жизнь всегда была связана с несчастьем, страданием и материальными проблемами. Герои Юй Дафу не смогли изменить свою судьбу и вынуждены были бороться за жизнь. «Лишние люди» у Юй Дафу были несовместимы с реальностью Китая того периода. Они предпочитают быть бедными, но не вступать в сговор с силами тьмы.

В рассказе «Серебристо-серая смерть» ОН жил в доме друга, где не было даже печки. А там, где нет печки, – нет жизни. В середине ночи ОН не захотел туда возвращаться, а предпочел остаться на станции Шане, потому что нашел там тепло – бесплатно грелся у костра. В рассказе постоянно подчеркивалось, что герой вел строгий учет собственных средств: «Осталось лишь пять юаней...» [11, с. 13], продал старые книги и получил «больше девяти юаней» [Там же, с. 24]. Его волновали конкретные, сиюминутные потребности и вопросы (ужин, подарки), которые не терпели отлагательства.

В рассказе «Омела и плющ» Я столкнулся с мрачной реальностью, из-за чего ему пришлось отказаться от своих идеалов. Когда у него не оказалось денег, он был вынужден продать всю свою дорогую одежду, но при этом пытался сохранить подарок, который он вез жене. Тем не менее он продал и его за какую-то незначительную сумму, чтобы покрыть дорожные расходы.

В рассказе «Весенние ночи» герой, которого также звали Я, был вынужден постоянно менять местожительство, потому что плата за квартиру постоянно росла и становилась ему не по карману. Наконец он поселился в трущобах, в маленькой комнате. У него не было подходящей одежды, поэтому он боялся выходить на улицу днем. Он покинул свою комнатку лишь по вечерам.

В повести «Она слабая женщина» героиня Чжэн Сююэ вышла замуж за У Ишу. Новобрачные также столкнулись с финансовыми трудностями, потому что У Ишу внезапно потерял работу. Затем началась война с Японией, во время которой героиня влюбилась в учителя Чжан Кан. Но этот человек постоянно был недоволен жизнью, ругался на все и всех. Таким образом, жизненные трудности и душевные страдания нанесли этой героине сокрушительный удар.

Герои романов Юй Дафу вызывали и вызывают у читателей сочувствие. Это по-настоящему «лишние люди» в своей эпохе.

3) Любовь у «лишних людей» русских писателей и у «лишних людей» Юй Дафу

В произведениях русских писателей каждого «лишнего человека» сопровождала необычная женщина. Она либо была возлюбленной «лишнего человека», либо представляла собой его духовную сестру.

Онегин приехал в деревню для получения наследства, оставленного ему дядей. Там он встретил младшую дочь провинциального помещика – Татьяну, которая полюбила его. Онегин на самом деле не понимал ценности искренней любви. В то же время он не хотел отказываться от «свободной» одинокой жизни, в которой он не нес ответственности ни перед кем. Он категорически отверг любовь Татьяны. Когда он спустя некоторое время снова встретил Татьяну в Петербурге, он отчаянно влюбился в нее и намерен был ухаживать за ней. Но Татьяна, ставшая женой офицера, решила остаться верной своему мужу. Она, хотя в глубине души все же любила Онегина, решительно отказала ему.

Непонимание в любви встречаются и герои Лермонтова (Печорин), Тургенева (Рудин), Гончарова (Обломов). Так, когда Ольга, полная жизненных сил и энергии, впервые встретила Обломова, его лень и несчастье стали привлекать ее внимание. Она считала, что Бог послал ей задачу, и была уверена в том, что сможет изменить Обломова. Она возросла морально и духовно, надеясь спасти его силой любви. Но она никогда не думала, что Обломов отказался от ее любви из-за боязни новых импульсов и энтузиазма в жизни, из-за боязни нарушить свои первоначальные привычки и образ жизни.

Под влиянием сильной любви эгоистичные и безразличные «лишние люди» морально уступили женщинам, которые умели искренне и самозабвенно любить. Отличные душевные качества, прочно укоренившиеся в этих женщинах, – это то, чего не хватало «лишним людям». Любовная трагедия раскрыла экзистенциальный финал «лишних людей».

Значительным элементом для создания образа «лишнего человека» Юй Дафу являлось развитие любовной линии. Но, в отличие от любви «лишних людей» в русской литературе, на любви «лишних людей» Юй Дафу отразилось вредное воздействие традиционной китайской мысли.

Элементы «нечеловеческого» и идея о полном подавлении сексуальности, отраженные в традиционной китайской мысли, стали оковами их жизни. Их лицо было измождено и нервы были слабы, что являлось типичной чертой китайских интеллигентов начала XX века. В то же время они были сентиментальны, одиноки и чувствительны. Они постоянно признавали себя негодными в жизни. Среди исследователей существует мнение, что Юй Дафу является мастером психологических описаний. При этом он описывает патологические состояния психики. Депрессия – это одно из важных душевных состояний «лишнего человека» [5, с. 182]. Он в рассказе «Омут» страдал депрессией из-за пробуждения сексуального сознания и отсутствия сексуальных знаний. Он в рассказе «Серебристо-серая смерть» также умер в одиночестве. Сексуальная депрессия и печаль жизни стали также причинами трагедии «лишних людей».

В повести «Осенняя ива» описывалась история полевых командиров, которые участвовали в репрессировании участников студенческого движения, и им это не нравилось. Когда они не могли справиться с эмоциями (слишком сильно злились, расстраивались), то пользовались услугами женщин легкого поведения, чтобы снять напряжение. Так, главный герой отправлялся к девушке Хай Тан. Но и сама Хай Тан выбрала такую профессию не от хорошей жизни. Она не могла переломить свою судьбу и жалела себя.

В рассказе «Омут» герой, пребывая в депрессивном состоянии, изрек: «Я прошу любовь... Я прошу любовь женщин... Дайте мне Еву. Я буду рад, когда ее душа и тело станут принадлежать мне» [13, с. 47].

Юй Дафу показывал, какие трудности испытывал «лишний человек», когда влюблялся, и к чему это приводило. В рассказе «Омела и плющ» герой признался: «Я покинул страну в семнадцать лет и прожил в чужой стране восемь лет. В течение этих восьми лет даже на летних и зимних каникулах я не возвращался в Китай. Знаете почему? Потому что я решил противостоять старомодному браку, назначенному родителями только по своей воле. Это не Ваша вина, и я не виноват. Виноваты Ваши родители и моя мать» [12, с. 206-207]. Герой женился только потому, что родители жены на этом каждый день настаивали, и его собственная мать убеждала его со слезами на глазах. Иными словами, это был не его выбор, это было навязанное решение, которое не принесло герою счастья. Эти строки вызывают у читателя множество негативных эмоций и приводят к мысли о том, что герой жил в «большом» обществе.

Юй Дафу считал, что в обществе, где человека постоянно угнетали, даже такое светлое чувство, как любовь, деформировалось. При этом писатель показал процесс этой деформации именно с психологической стороны.

Юй Дафу стал одним из свидетелей эпохи страданий и потрясений. По его мнению, сама эпоха, само общество портили нормальные взгляды «лишних людей» на любовь. И поэтому жизнь казалась им бессмысленной трагедией. Писатель обличал общественное зло – ту болезненную среду, которая приводила к извращению душ героев. Он резко выявлял бесчеловечность феодальной этики, нарушающей естественный, природный ход вещей, в результате чего души людей потеряли целостность. Но, что интересно, и сами герои, уже изменившись, не могли представить себе другой жизни, они впали в депрессию, но это состояние даже начало им порою нравиться. В итоге, попав под гнет этого общества, «лишние люди» разочаровались в реальности. Они постепенно уставали от одиночества и именно поэтому стремились к духовным метаморфозам, которые приводили к деградации личности.

Проанализировав творчество русских писателей XIX века и китайского прозаика начала XX века Юй Дафу, мы пришли к **выводу**, что, унаследовав образ «лишнего человека» у русских классиков, Юй Дафу наделил собственных героев чертами своего времени.

Образы «лишних людей» в русской классической литературе и у Юй Дафу имеют много общего («лишние люди» находились в постоянных поисках перемен в период социальных кризисов) и свои специфические особенности. Существуют разные исторические фоны «лишних людей» в русской литературе и у Юй Дафу.

Если в русской литературе отдается предпочтение духовному (интеллектуально-культурному) развитию «лишних людей», то Юй Дафу уделяет большое внимание материальной (социально-финансовой) стороне жизни «лишних людей»; значительны отличия в проявлениях любви «лишних людей». Если герои русской классики имеют «духовных сестер», то на «лишних людях» Юй Дафу отражается вредное воздействие традиционной китайской этики и идеологии.

Список источников

1. Ережепова Г. С. Лекции по истории русской литературы XIX века. Нукус: Каракалпакский гос. ун-т, 2001. 46 с.
2. Никольский Е. В. Ещё раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе // *Art Logos*. 2017. № 2. С. 7-22.
3. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: МГУ, 2005. 432 с.
4. 王梦, 刘斌, 郁达夫小说创作中的“弱者”心态, *河北学刊*, 2013. 年第33. 卷第. 6期. 第247-249页 (Ван Мэн, Лю Бин. Менталитет слабых в прозе Юй Дафу // *Жэбэй: академический журнал*. 2013. Т. 33. Вып. 6. С. 247-249).
5. 李春杰, 颓废心理与启蒙精神 — 《沉沦》零余者形象的精神心理分析. *文艺争鸣*, 2014. 年第5期. 第 181-184 页 (Ли Чуньцзе. Психология декаданта и дух просвещения – анализ духовной психологии образа «нулевого человека» в сборнике произведений Юй Дафу «Омут» // *Литература и искусство*. 2014. № 5. С. 181-184).
6. 夏德勇, 回家之路 – 郁达夫小说的文化归属, *中国文学研究*, 2005. 年第3. 期. 第 85-89页 (Ся Дэюн. Путь домой – культурная атрибуция романов Юй Дафу // *Исследования китайской литературы*. 2005. № 3. С. 85-89).
7. 黄承基, 论郁达夫小说之小人物审美, *文艺理论与批评*, 2011. 年第4期. 第 113-117 页 (Хуан Чэндзи. Об эстетике «маленьких людей» в произведениях Юй Дафу // *Теория литературы и критика*. 2011. № 4. С. 113-117).
8. 贾振勇, 郁达夫: 创伤·自我·先驱, *鲁迅研究月刊*, 2014. 年第8期. 第68-81页 (Цзя Чжэньюн. Юй Дафу: травма, самость, инициатива // *Изучение творчества Лу Синя: ежемесячник*. 2014. № 8. С. 68-81).
9. 张雪莲, 自我身份(认同)危机 — 两种文化中的孤独者和漫游者郁达夫, *山东社会科学*, 2004. 年第11期. 第 38-42 页 (Чжан Сюэлян. Кризис самоидентификации (идентичности) – одинокий и странствующий Юй Дафу в двух культурах // *Шаньдун: социальные науки*. 2004. Вып. 11. С. 38-42).
10. 程远图, 论郁达夫小说中精神困境的表达, *文艺争鸣*, 2016. 年第2期. 第 155-160 页 (Чэн Юаньту. О выражении духовной дилеммы в произведениях Юй Дафу // *Литература и искусство*. 2016. № 2. С. 155-160).
11. 郁达夫, 银灰色的死//春风春醉的晚上, 湖南文艺出版社, 2011. 360 页 (Юй Дафу. Весенние ночи. Хунань: Изд-во художественной литературы, 2011. 360 с.).
12. 郁达夫, 春风沉醉的晚上 (郁达夫小说精选集), 安徽文艺出版社, 2015. 364页 (Юй Дафу. Весенние ночи. Аньхой: Изд-во художественной литературы, 2015. 364 с.).
13. 郁达夫, 春风沉醉的晚上, 北京联合出版公司, 2016. 321页 (Юй Дафу. Весенние ночи. Пекин: Совместная издательская компания, 2016. 321 с.).

**IMAGE OF “SUPERFLUOUS MAN” IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY
AND IN THE CHINESE WRITER YU DAFU’S CREATIVE WORK**

Liu Yin, Ph. D. in Philology

*Center for Studying Russian-speaking Countries of Southwest Jiaotong University
under the Ministry of Education of China, Chongqing
liuyin610@mail.ru*

Nikol'skii Evgenii Vladimirovich, Doctor in Philology

*Augustine Voloshyn Carpathian University, Uzhhorod
eugenius-08@yandex.com*

The article is devoted to analysing “superfluous men” images in the Russian literature of the XIX century and in the prosaic works of the Chinese writer of the first half of the XX century Yu Dafu whose literary heritage is still insufficiently studied in the Russian literary criticism. The common features of “superfluous men” in the Russian literature and in Yu Dafu’s creative work are identified: under the conditions of the feudal society torn apart by sharp contradictions, all the personages sought changes but couldn’t realize their ideals. The paper provides a comparative characteristic of the personages considered as “superfluous men” in the literary works of the Russian authors and Yu Dafu, identifies the distinctive features of “superfluous men” in the Russian prose and in Yu Dafu’s prose. The differences are conditioned by the following factors: different historical backgrounds for the origin of the “superfluous man” image; original approaches of the Russian writers and the Chinese writer to analysing the “superfluous man” phenomenon.

Key words and phrases: “superfluous man”; comparative characteristic of personages; Russian literature of the XIX century; Yu Dafu; Chinese literature of the first half of the XX century.